

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ XIX ВЕКА

УДК 82.0

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В СВЕТЕ ПРИЕМА ОСТРАНЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА Ч.ДИККЕНСА И Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО)

А.В.Бабу́к

AUTOBIOGRAPHICAL MOTIFS IN THE CONTEXT OF LITERARY DEVICE "ESTRANGEMENT" IN CH.DICKENS' AND F.M.DOSTOEVSKY'S WORKS

A.V.Babuk

Гродненский государственный университет (Беларусь), alexander-babuk@yandex.ru

В статье раскрывается сущность таких понятий, как биография и автобиография, а также их художественно осмысление помощью литературного приема остранения на примере произведений Ч.Диккенса и Ф.М.Достоевского

Ключевые слова: биография, автобиография, онтогенез, литературный прием, остранение

The paper dwells upon the meaning of such concepts as biography and autobiography and also their literary understanding by means of the literary device "estrangement", taking the example of Ch.Dickens' and F.M.Dostoevsky's works.

Keywords: biography, autobiography, ontogenesis, literary device, estrangement

Известный литературовед Л.Я.Гинзбург в одном из своих последних интервью говорила о том, что современное развитие литературы выходит на новый виток, связанный с «автобиографическим присутствием автора» [1] и поиском идеалов, что стало одной из причин угасания интереса у современного человека к литературе в ее традиционном жанровом понимании. Поиск образа идеальной личности вынуждает человека обратиться к литературе биографического характера — мемуарно-дневниковым записям, письмам, заметкам, воспоминаниям и т.д.

Первыми биографиями в новозаветной истории человечества можно считать жизнеописание Господа Иисуса Христа в четырех библейских Евангелиях — от Матфея, от Марка, от Луки, от Иоанна, а также жития святых, праведников и угодников Божьих. В настоящее время биография является одним из источников, раскрывающих историю созревания человека в социологической, культурологической, национальной и других перспективах.

Особого внимания заслуживает осмысление биографии самим автором и создание художественных произведений с помощью приема остранения. Данный термин был введен представителем формальной школы литературоведения В.Б.Шкловским, который считал, что феномен приема исходит из сущности всякого искусства, заключающегося не в назывании вещи как таковой, а предоставлении возможности пережить «ощущение вещи, как видение, а не как узнавание» [2]. По мнению И.Калинина, сущностью остранения является диссоциация героя с реальностью, т.е. наблюдение за собственным телесным опытом со стороны [3]. Особое видение, создаваемое

приемом остранения в литературе, указывает не только на нарративное присутствие протагониста, но и на субъектную организацию его мира.

Биография, написанная с помощью приема остранения, называется автобиографией. Сам термин «автобиография» является порождением нового времени и в древности не встречается. Согласно Оксфордскому Словарю английского языка, впервые понятие автобиографии в оборот ввел английский поэт Роберт Саути в 1809 году. Зачатки такой биографии сложились в «Исповеди» Блаженного Августина, где философ, став одним из знаменитых христианских учителей Церкви, проводит сравнение своей жизни до прихода к осознанной вере в Бога с жизнью, которую он обрел к моменту написания произведения благодаря своей христианизации. Подробное описание Блаженным Августином собственного духовного кризиса ознаменовало поворот приема остранения в сторону психологизма как формы проявления индивидуального самоощущения человека.

В литературе XVIII в. усиливаются субъективистские тенденции, когда индивидуальное сознание человека постепенно становится показателем сознания общественного. Об этом свидетельствует передача повествования герою-рассказчику — свидетелю или участнику повествуемых событий. В качестве примера можно привести тетralогию «Путешествия Гулливера» Дж.Свифта, романы «Робинзон Крузо» Д.Дефо и «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» Л.Стерна. Мемуарная и мемуарно-дневниковая форма повествования остраивает реальную действительность, создавая своеобразный сатирико-утопический гибрид, где человек выступает в

роли обитателя как жестокого (страны Лилипутов и великанов) и порочного (страна гуингмов), так и идеального (страна Лапуту) общества (Дж.Свифт). Креативную альтернативу алчному и властному буржуазному миру XVIII века (Д.Дефо) открывает мир бессознательных душевных переживаний, сопряженных с лирико-юмористической формой повествования, авторскими отступлениями и перемещением во времени.

В русскую литературу прием остранения проникает в конце XVII — начале XVIII в. в связи с пробуждением интереса к отдельной личности и частной жизни как объекту изображения. Первым, на наш взгляд, произведением русской литературы, представляющим жизнеописание в свете приема остранения, является «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное». Особенность данного литературного памятника XVII в. заключается в том, что его автор, ссылаясь на западноевропейских апостолов христианства, описывает собственную жизнь как подвижническую в целостном представлении своих взаимоотношений с другими людьми, что в корне изменяет каноны древнерусской литературы.

Для выявления особенностей литературного приема остранения будем преимущественно рассматривать содержательно-субъектную организацию некоторых текстов Ч.Диккенса и Ф.М.Достоевского. Исследование субъектной организации произведения дает возможность преодолеть ограниченность видения героев и во множестве их точек зрения рассмотреть некие ценностные ориентиры. Такой подход к литературному тексту ориентирован, прежде всего, на героя как на видящую личность, когда «наиболее важно не что или о чем говорится, а кто говорит» [4]. Использование синтеза феноменологического, нарратологического и образно-мотивного подхода в ракурсе антропологии литературы дает возможность не просто интерпретировать текст, а проживать его жизнь вместе с героями.

Ярчайшим проявлением автобиографического фактора в творчестве Ч.Диккенса, на наш взгляд, является роман «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим». Несмотря на социальную направленность творчества Ч.Диккенса (о чем свидетельствуют также его малая проза, многие прижизненные выступления, статьи в журнале «Домашнее чтение») современные исследователи все больше говорят о явном наличии христианских мотивов в творчестве писателя. Так, по словам Х.Хауза, реализацией христианских мотивов в творчестве Диккенса является использование автором церковного языка и сцен церковной жизни Англии, свидетелем которых был сам писатель. Так, например, Том Пинч играет на церковном органе прелюдии, Крошка Доррит после холодной ночи на улице получает ночлег в ризнице; маленькая Нелл находит в церкви утешение, став «церковной мышью» и т.д. Связь романа о Дэвиде Копперфильде с биографией писателя проявляется не только в том, что его герои — это прообразы реально существующих людей, но и в наличии в романе особого христианского духа, хотя интерпретированного в западноевропейском либерально-протестантском

ключе. В романе о Дэвиде Копперфильде высочайшее проявление такого духа олицетворяет мать самого Дэвида, которая своей любовью и отношением к сыну напоминает мать писателя, миссис Диккенс. Известно, что после того как отца Диккенса посадили в долговую тюрьму, мать вынуждена была заниматься образованием мальчика. Именно мать читала Диккенсу евангельские повествования, о чем свидетельствуют следующие строки романа о Дэвиде Копперфильде: «В одно из воскресений мать читает Пеготти и мне в этой гостиной о том, как Лазарь воскрес из мертвых». На наш взгляд, Диккенс трансформировал в романе материнский образ, наделив его особым христианским смыслом.

Диккенс как писатель, пострадавший от деспотизма в социальной среде, особое внимание уделял критике неблагоприятных для ребенка методов воспитания. В частности, известно, что писатель стал жертвой не только жестокости своей няни Мэри Уэллер, образ которой воплотился в романе в образах опекунов мистера и миссис Мердстон, школьного учителя мистера Крикла, но и своего мировоззрения, сформированного в англиканской среде, где отсутствует понятие покаяния и преображения. Англиканская церковь, дух которой состоит наполовину из протестантской среды и наполовину из католической, воспринимает не онтологически, а юридически, где «в страхе перед карами за грехи» человек больше думает «о наказаниях и о средствах избежать их» [5]. Отсюда ясна тенденция к детоцентризму, одним из основоположников которой оказался сам Диккенс. Именно поэтому многие словесно-мыслительные интенции писателя не только в романе о Дэвиде Копперфильде, но и во всем творчестве в целом направлены на выявление подлинности Бога как Творца, на разъяснение сомнений в отношении веры в Него. Вот что пишет Диккенс в романе об этом:

«Снова меня внезапно пронзает страх: что, если не прав наш добрый старый священник, а правы мистер и мисс Мэрдстон, и все ангелы небесные — ангелы разрушения? Снова, когда я пошевелию пальцем или ослаблю мускулы лица, мисс Мэрдстон пребольно тычет меня молитвенником в бок...»

Игр со сверстниками я почти не знал, так как мрачная теология Мэрдстонов превращала всех детей в маленьких ехидн (хотя был в далекие времена некий ребенок, которого окружали ученики!) и внушала, что они портят друг друга» [6].

Если рассматривать человека как образ и подобие Бога, а институт семьи как отражение этого подобия, то можно понять причину, по которой автор в контексте воспитания поднимает проблему онтологии восприятия ребенком взрослого в качестве наставника, предлагая читателю как бы самому сделать нравственный выбор. Для Дэвида Копперфильда таким наставником оказывается его мать, а также прислуга Пеготти. Роман завершается становлением Дэвида Коппефильда в качестве писателя, что является важным автобиографическим фактором, изображенным с помощью приема остранения: оптимистическая развязка, или так называемый «счастливый конец» (happy end) свидетельствует о еще не наступив-

шем мировоззренческом повороте писателя в сторону пессимизма. С нарратологической точки зрения, нить эпизодов романа, встраиваемая в пеструю вязь таких мотивов, как насилие в воспитании, деньги и капитал, успех, лицемерие, разврат и развращенность, превращают биографию самого писателя в историю героя.

По мнению В.Давыденко, главным автобиографическим героем, в полной мере представляющим альтер-эго Достоевского, является князь Мышкин в романе «Идиот» [7]. Глубина размышлений Льва Николаевича о страдании и сострадании, о времени, о смысле жизни, о религии, Боге и человеке настолько поражает читателя, что делает архитектуру произведения странной, необычной, заставляя погрузиться в мир романа в полной мере. О близости героя и писателя свидетельствуют не только такие факты, как падающая болезнь (эпилепсия) Мышкина, его безграничная, как и у Достоевского, любовь к детям, но и некоторые эпизоды романа, которые прямо указывают на непосредственную связь биографии Мышкина с биографией Достоевского.

Одним из ключевых факторов формирования личности, его мировоззрения и в целом всей жизни человека, по мнению Достоевского, также является воспоминание. Об этом писатель говорит в Дневнике писателя за 1877 год: «Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, — говорит писатель, — не может и жить человек. Иной, по-видимому, о том и не думает, и все же эти воспоминания бессознательно да сохраняет, и при этом самые сильнейшие и влияющие воспоминания почти всегда те, которые остаются из детства». «Ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание...» [8].

Наиболее ярким из воспоминаний князя Мышкина является воспоминание о смертной казни на Семеновском плацу 22 декабря 1849 года в контексте размышлений персонажа о смертной казни как таковой. Мышкин погружается в воспоминания о человеке, который «был раз взведен, вместе с другими, на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстрелянием, за политическое преступление. Минут через двадцать прочтено было и помилование и назначена другая степень наказания; но, однако же, в промежутке между двумя приговорами, двадцать минут или по крайней мере четверть часа, он прожил под несомненным убеждением, что через несколько минут он вдруг умрет» [9]. Человек, переживший смертную казнь, был сам Достоевский. Главный итог переживаний Достоевского на Семеновском плацу составляет весь его посткааторжный период творчества, представляющий собой христологию писателя, где центральным мотивом произведений становится повествование об Иисусе Христе. Достоевский не успел написать задуманный роман о Христе, однако все пять его великих романов представляют собой осмысление теолого-художественного материала в контексте возвращения собственного бытия на духовный путь. Именно прием остранения послужил главным средством для осмысления той дей-

ствительности, которую Достоевский познал благодаря своему опыту преодоления смерти. Можно сказать, что переживание смерти способствовало не только духовному перерождению писателя, но и становлению, а затем развитию того самого «реализма в высшем смысле». Неслучайно своему брату Михаилу в письме от 27.12.1849 года после казни он написал своего рода покаянное письмо, где говорит о том, «сколько даром потрачено времени, сколько его пропало в заблуждениях, в ошибках, в праздности, в уменьшении жить; как не дорожил я им, сколько раз я грешил против сердца моего и духа, — так кровью обливается сердце мое. Жизнь — дар, жизнь — счастье, каждая минута могла быть веком счастья. Si jeunesse savait!* Теперь, переменя жизнь, перерождаюсь в новую форму. Брат!» [10]. В этих словах Достоевского слышится мотив покаяния и преображения, который проходит через все творчество писателя.

Именно эти размышления о ценности времени автор вложит в уста князя Мышкина: «Выходило, что остается жить минут пять, не больше. Он говорил, что эти пять минут казались ему бесконечным сроком, огромным богатством; <...> Потом, когда он простился с товарищами, настали те две минуты, которые он отсчитал, чтобы думать про себя; он знал заранее, о чем он будет думать: ему всё хотелось представить себе как можно скорее и ярче, что вот как же это так: он теперь есть и живет, а через три минуты будет уже нечто, кто-то или что-то, — так кто же? где же? Всё это он думал в эти две минуты решить!».

Время земной жизни, если рассматривать с христианской точки зрения, является очень ценным ресурсом, поскольку после смерти человек должен встретиться лицом к лицу с вечностью, которая может стать для него или спасительным раем, Царствием Небесным, или геенной огненной (Мф.18:9), т.е. адом, куда он окажется *ввергнутым* за дела несправедливые. И поэтому Церковь Христова, осознавая свою ответственность за людей, призывает человека к борьбе с грехом и становлению на духовный путь. При этом Священное Писание говорит о том, что время в контексте Царства Небесного, в отличие от времени земного, перестает быть ценностью, как и все вокруг, ибо, когда из мертвых воскреснут, [тогда] не будут ни жениться, ни замуж выходить, но будут, как Ангелы на небесах (Мк.12:25).

Таким образом, и Ч.Диккенс, и Ф.М.Достоевский с помощью приема остранения перемещают свою привычную точку зрения на воображаемую, утопическую, позицию, с которой автор получает возможность по-новому взглянуть на вещь или описываемое им явление. И Ч.Диккенс, и Ф.М.Достоевский делают это путем наделения своих воспоминаний христианским смыслом. Однако если Ч.Диккенс показывает последствия протестантского мировоззрения и неправильного семейного воспитания, то Достоевский благодаря христианскому осмыслению опыта переживания казни на Семеновском плацу, изображает преображение человека в свете «реализма в высшем смысле». Главное, что удалось осознать Достоевскому, — это онтологи-

ческое осмысление своей жизни и восприятие ее в феноменологической данности. Так особенности биографий Диккенса и Достоевского способствует выявлению культурной разницы двух цивилизаций — западноевропейской и восточнославянской.

1. Гинзбург Л.Я. Последнее интервью с Лилией Яковлевной Гинзбург [Электронный ресурс] // Сеанс. 2010. № 2. URL: <http://seance.ru/blog/ginzburg/> (дата обращения: 02.04.2014).
2. Шкловский В.Б. О теории прозы. М., 1929. С. 13.
3. Калинин И. Прием остранения как опыт возвышенного (от поэтики памяти к поэтике литературы) / [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2009. № 95. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/ka7.html> (дата обращения: 02.11.2014)
4. Пирсон Х. Диккенс. М., 1963. С. 280.
5. Огицкий Д.П., Козлов М., свящ. Православие и западное христианство М., 1999. С. 85.
6. Диккенс Ч. Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим (главы I—XXIX) // Собр. соч. в 30 т. М.: Гос-ое изд-во худ. лит-ры, 1959. Т. 15. С. 24, 110.
7. 5 литературных альтер-эго Федора Достоевского [Электронный ресурс] // Российская газета URL: <http://www.rg.ru/2014/02/09/dostoevskiy-site.html> (дата обращения: 02.04.2014).
8. Достоевский Ф.М. Дневник писателя 1877 // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1983. Т. 25. С. 172.
9. Достоевский Ф.М. Идиот // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1973. Т. 8. С. 51.
10. Достоевский Ф.М. Письма 1832-1859 // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1985. Т. 28, кн. 1. С. 164.

References

1. Ginzburg L.Ya. Poslednee interv'yu s Liliei Yakovlevnoi Ginzburg [Last interview with Lilia Ginzburg]. Seans, 2010, no. 2. Available at: <http://seance.ru/blog/ginzburg/> (accessed 02.04.2014).
2. Shklovskii V.B. O teorii prozy [On the theory of prose]. Moscow, 1929, p. 13.
3. Kalinin I. Priem ostraneniya kak opyt vozvyshennogo [Estangement as the experience of the sublime (from the poetics of memory to the poetics of literature)]. The new literary observer, 2009, no. 95. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/ka7.html> (accessed 21.12.2012).
4. Pearson H. Dickens, his character, comedy, and career. N.-Y., Harper & Bros, 1949, 361 p. (Russ. ed.: Pearson H. Dickens. Moscow, 1963, p. 280).
5. Ogitskii, D.P., Kozlov M., the priest. Pravoslaviye i zapadnoe khristianstvo [Orthodoxy and Western Christianity]. Moscow, 1999, p. 85.
6. Dikkens Ch. Zhizn' Devida Kopperfil'da, rasskazannaya im samim (glavy I—XXIX) [Life of David Copperfield]. In: Works in 30 vols. Moscow, 1959, vol. 15, p. 24, 110 (in Russ.).
7. 5 literaturnykh al'ter-ego Fedora Dostoevskogo. Available at: <http://www.rg.ru/2014/02/09/dostoevskiy-site.html> (accessed 02.04.2014).
8. Dostoevskiy F.M. Dnevnik pisatelya 1877 [A writer's diary 1877]. Compl. set of works in 30 vols. Leningrad, 1985, vol. 25, p. 172.
9. Dostoevskiy F.M. Idiot. Compl. set of works in 30 vols., vol. 8, p. 51.
10. Dostoevsky F.M. Pis'ma 1832-1859 [Letters 1832-1859]. Compl. set of works in 30 vols., vol. 28, book 1. p. 164.